

Открывается пропасть

Когда я пробирался сквозь толпы ликующих лондонцев в час их радости, вполне заслуженной после всего того, что им пришлось пережить, мой ум занимали опасения за будущее и многочисленные сложные проблемы. В этом сиянии славы большинству из них казалось, что гитлеровская опасность со всеми ее тяжелыми испытаниями и лишениями канула в прошлое. Грозный враг, с которым они сражались более пяти лет, безоговорочно капитулировал. Единственное, что оставалось сделать трем державам-победительницам, это установить справедливый и прочный мир, охраняемый всемирным органом, вернуть солдат на родину к истосковавшимся по ним родным и близким и вступить в золотой век процветания и прогресса. Это минимальное — думали народы этих стран.

Однако у медали имелась оборотная сторона. Еще не была побеждена Япония. Атомная бомба еще не родилась. Мир был в смятении. Основа связи — общая опасность, объединявшая великих союзников, — исчезла мгновенно. В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага. Но объединения, направленного против нее, не существовало. У нас в стране основа национального единства, на которую так твердо опиралось правительство военного времени, также исчезала. Нашей силе, одолевшей так много бурь, не суждено будет долго сохраниться в солнечный день. Но в таком случае как сможем мы прийти к тому окончательному урегулированию, которое только одно может вознаградить за труды и страдания, связанные с войной? Я не мог избавиться от страха перед тем, что победоносные армии демократии скоро разбредутся, в то время

как настоящее и самое трудное наше испытание еще впереди. Мне уже довелось видеть все это раньше. Я вспоминал другой день ликования, почти тридцать лет назад, когда я с женой ехал из министерства вооружений на Даунинг-стрит поздравить премьер-министра, пробираясь через такую же, не помнившую себя от восторга, людскую массу. Тогда, как и на этот раз, я понимал мировую обстановку в целом. Но в то время по крайней мере не существовало могучей армии, которой нам нужно было бы бояться.

* * *

Главное место в моих мыслях занимала встреча трех великих держав, и я надеялся, что президент Трумэн по пути заедет в Лондон,

Ясно, что первоочередной целью должно было быть совещание со Сталиным. Через три дня после капитуляции Германии я телеграфировал президенту:

Премьер-министр — президенту Трумэну

11 мая 1945 года

1. Я считаю, что мы должны вместе или по отдельности в один и тот же момент обратиться к Сталину с приглашением встретиться с нами в июле в каком-нибудь неразрушенном городе Германии, о котором мы договоримся, чтобы провести трехстороннее совещание. Нам не следует встречаться в каком-либо пункте в пределах нынешней русской военной зоны. Мы шли ему навстречу два раза подряд. Мы беспокоим их своей цивилизацией и нашими методами, отличающимися от их методов. Но все это значительно ослабевает, когда наши армии будут распущены.

2. В данный момент мне неизвестно, когда у нас состоятся всеобщие выборы, но я не вижу никаких причин, почему это должно повлиять на Ваши или мои передвижения, если этого требует долг перед государством. Поэтому прошу Вас, приезжайте сюда в первые дни июля, а затем мы вместе поедем на встречу с Дядей Дж. в любое место, признанное наилучшим за пределами оккупированной русскими территории, куда его можно будет уговорить приехать. Тем временем я горячо надеюсь, что американский фронт не отойдет назад от согласованных сейчас тактических линий.

Трумэн сразу ответил, что он предпочел бы, чтобы встречу предложил Сталин, и выразил надежду, что наши послы убедят его выступить с таким предложением. Далее Трумэн указывал, что он и я должны отправиться на эту встречу по отдельности, во избежание каких-либо подозрений в «сговоре». Он выразил надежду, что по окончании конференции сможет посетить Англию, если позволят его обязанности в Америке.

В эти же дни я направил президенту Трумэну телеграмму, если можно так выразиться, телеграмму «железного занавеса». Из всех государственных документов, написанных мною по этому вопросу, я предпочел бы, чтобы обо мне судили именно на основании этого послания.

Премьер-министр — президенту Трумэну

12 мая 1945 года

1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы. Согласно прежним решениям наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооруженная мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

2. А тем временем как насчет России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская еще не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200—300 дивизий?

3. Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоеванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель — когда американцы отступят — оккупирован русскими силами. Генералу Эйзенхауэру придется принять все возможные меры для того, чтобы предотвратить новое бегство огромных масс германского населения на запад при этом гигантском продвижении москвитов в центр Европы. И тогда занавес снова опустится очень намного, если не це-

ликом. И, таким образом, широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много сот миль отрезет нас от Польши.

4. Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сурового обращения с Германией, которая разорена и повержена, и в весьма скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана.

5. Безусловно, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или выяснить наши с ней отношения, прежде чем мы смертельно ослабим свои армии или уйдем в свои зоны оккупации. Это может быть сделано только путем личной встречи. Я буду чрезвычайно благодарен Вам за высказанное Вами мнение и совет. Конечно, мы можем прийти к мнению, что Россия будет вести себя безупречно, и это, несомненно, наиболее удобный выход. Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы.

С самого начала я принимал все возможные меры, какие только были в моей власти, для того чтобы удержать позиции и не допустить ослабления западных армий.

Премьер-министр — генералу Эйзенхауэру, Франция

9 мая 1945 года

Я с беспокойством услышал о том, что немцы должны уничтожить все свои самолеты *in situ**. Я надеюсь, что такая политика не будет принята в отношении вооружений и других видов снаряжения. Возможно, что они нам когда-нибудь остро потребуются, и даже сейчас они могут пригодиться как во Франции, так в особенности в Италии. Я считаю, что нам нужно сохранить все, что заслуживает сохранения. Так, тяжелое орудие, которое я сберег со времен прошлой войны, то и дело вело огонь с высот Дувра в эту войну.

У нас здесь большое ликование.

Генерал Эйзенхауэр — премьер-министру

10 мая 1945 года

Наша политика в том виде, в каком она сформулирована в Акте о капитуляции, означает, что немцы не будут уничтожать самолеты, и эта политика распространяется на действия немцев в отношении всего их снаряжения. Если немцы уничтожат снаряжение, что пред-

* В местах их нахождения. — Прим. ред.

ставляет собой нарушение Акта о капитуляции, я буду рад получить конкретные данные, которые позволили бы мне наказать виновных.

Здесь также большое ликование.

В Вашингтоне Иден согласно моему желанию обратился 14 мая к генералу Маршаллу и Стимсону с запросом по поводу отвода американских войск из Европы. Генерал в целом высказался успокоительно. Фактические цифры отвода войск на ближайшие несколько месяцев не превысят 50 тысяч человек в месяц из общего числа 3 миллиона человек. Затем Иден перешел к вопросу об отходе англо-американских сил в их заранее согласованные зоны. Маршалл, который читал мою телеграмму, посланную президенту, казалось, сочувственно относился к тому, что я предлагал. Однако, сказал он, в Австрии русские ушли из небольшого района американской зоны, который они оккупировали. Он считал, что они сделали это сознательно, с целью придать больший вес своим доводам, когда они потребуют нашего отхода из оккупированных нами районов русской зоны.

Я имел по крайней мере возможность сохранить достаточно эффективные силы английской авиации.

*Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов*

17 мая 1945 года

Всякое сокращение бомбардировочной авиации должно быть приостановлено. Всякое сокращение авиации метрополии, за исключением авиации береговой обороны, должно быть приостановлено. В обоих случаях разрешается предоставлять отпуска, когда это необходимо, но структура и численность эскадрилий не должны сокращаться впредь до нового приказа военного кабинета.

*Премьер-министр — министру авиации и начальнику штаба
военно-воздушных сил*

17 мая 1945 года

В настоящее время не должно быть допущено никакого ослабления военно-воздушных сил в Италии или демобилизации.

*Премьер-министр — начальнику штаба военно-воздушных сил
и генералу Исмею для сведения всех, кого это касается*

17 мая 1945 года

Никакие германские самолеты, находящиеся под английским контролем и пригодные для использования в боевых операциях, включая запасные части, не должны уничтожаться немцами или нами без предварительного разрешения кабинета.

*Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов*

20 мая 1945 года

Около недели назад я дал указание об отмене дальнейшей демобилизации военно-воздушных сил и распоряжение о сохранении «установленного уровня» в демобилизации армии. Я, само собой разумеется, рассчитываю, что комитет начальников штабов укажет наилучшие и наименее затруднительные методы для выполнения этих необходимых процедур.

Прошла неделя, прежде чем мне снова довелось услышать мнение Трумэна по поводу основных проблем. 22 мая он прислал мне телеграмму, в которой сообщил, что просил Джозефа Дэвиса встретиться со мной до Тройственной конференции и переговорить по ряду вопросов, которые он предпочел бы не обсуждать по телеграфу.

Перед войной Дэвис был американским послом в России, и было известно, что он весьма сочувствует советскому режиму: Он даже написал книгу о своей миссии в Москве, на основе которой был поставлен фильм, во многих отношениях, казалось, выражающий сочувствие советской системе. Я, конечно, немедленно согласился на встречу с ним, и 26 мая он провел ночь в Чекерсе. Я имел с ним весьма длительную беседу. Суть того, что он должен был предложить, сводилась к тому, что, прежде чем встретиться со мной, президент должен сначала встретиться со Сталиным где-то в Европе, Это предложение меня поистине поразило. Мне не понравилось слово «сговор», которое президент в своей предыдущей телеграмме использовал в применении к любой встрече между ним и мной. Англия и Соединенные Штаты были связаны узами принципов и согласия в отношении политики во многих областях, и обе наши страны коренным образом расходились во взглядах с Советами по многим важнейшим проблемам.

Во избежание недоразумений я составил официальные замечания и вручил их Дэвису с полного согласия министра иностранных дел, который к тому времени уже вернулся в Лондон.

*Замечания премьер-министра
по поводу послания Дэвиса*

27 мая 1945 года

«1. Крайне необходимо провести как можно скорее конференцию трех главных держав. Премьер-министр готов присутствовать на ней в любое время, в любом месте, приемлемом для остальных двух держав. Он надеется, однако, что Соединенные Штаты и Великобритания не сочтут необходимым отправиться на русскую территорию или в русскую зону оккупации. В Москву уже предпринималось много поездок, и последняя

встреча в Ялте состоялась на русской земле. Премьер-министр заявляет, что Лондон — величайший город в мире, вынесший много тяжелых ударов во время войны, — является наиболее подходящим местом для победной встречи трех великих держав. Тем не менее в случае, если это предложение будет отклонено, правительство Его Величества готово обсудить с Соединенными Штатами и Советской Россией вопрос о выборе наилучшего места.

2. Премьер-министр встретил с некоторым удивлением переданное г-ном Дэвисом предложение о том, чтобы между президентом Трумэном и премьером Сталиным состоялась встреча в каком-то согласованном месте и чтобы представители правительства Его Величества были приглашены присоединиться к ним несколькими днями позже. Следует понять, что представители правительства Его Величества не смогут присутствовать ни на каком совещании иначе как в качестве равноправных партнеров с самого его начала. Такое положение, несомненно, было бы достойно сожаления. Премьер-министр не видит никакой необходимости поднимать спор, столь оскорбительный для Англии, Британской империи и Содружества наций. Встречи подобного рода всегда требуют двух-трех дней предварительного обсуждения, когда разрабатывается повестка дня и когда происходит обмен визитами вежливости между тремя главами государств. При таких обстоятельствах все три великие державы, очевидно, вправе организовать любые встречи, какие им угодно и когда им угодно.

3. Премьер-министр понимает, что президент Трумэн, несомненно, хотел бы познакомиться с премьером Сталиным, с которым он раньше не имел удовольствия встречаться. При таких встречах ни один из союзников не пытался ни в малейшей степени ограничить самое свободное общение между главами правительств или между их министрами иностранных дел. Сам премьер-министр с удовольствием ждет возможности лично познакомиться с президентом Трумэном и надеется, что сумеет побеседовать в частном порядке с президентом, прежде чем начнутся общие заседания. Однако на встречах такого рода все абсолютно свободно, и руководители могут встречаться как им угодно, когда им угодно и сколько угодно и обсуждать любые вопросы, какие они сочтут желательным обсудить. Это, конечно, не помеха для кое-каких завтраков и обедов, в ходе которых прочные узы единства, объединявшие до сего времени три главные державы, укрепляются приятным общением и зачастую служат темой для дружеских тостов. Опыт премьер-министра показывает, что все эти дела без всяких затруднений улаживаются на месте.

4. Для премьер-министра было бы, конечно, более удобным, если бы встреча трех главных держав произошла после 5 июля — после того, как в Англии уже состоятся выборы. Но он не считает такое соображение сколько-нибудь сравнимым по важности с необходимостью провести эту встречу как можно скорее, прежде чем американские вооруженные силы

в Европе будут в значительной своей части демобилизованы. Поэтому в случае, если удастся получить согласие премьера Сталина, он полностью готов встретиться еще 15 июня.

5. Следует помнить, что Англия и Соединенные Штаты объединены сейчас общей идеологией, а именно — свободой и принципами, изложенными в американской конституции, которые с учетом современных изменений были скромно воспроизведены в Атлантической хартии. Советское правительство придерживается иной философии, а именно — коммунизма, в полной мере использует методы полицейского правления, применяемые им во всех государствах, которые пали жертвой его освободительных обьятий. Премьер-министру трудно согласиться с мыслью, будто тезис Соединенных Штатов гласит, что Англия и Советская Россия — это просто две иностранные державы, ничем не отличающиеся друг от друга, с которыми приходится улаживать все неприятности закончившейся войны. Если не считать только степени силы, то между добром и злом равенства не существует. Великие дела и принципы, во имя которых страдали и победили Англия и Соединенные Штаты, это не просто проблема соотношения сил. С ними, по существу, связано спасение всего мира.

6. Премьер-министр на протяжении многих лет денно и нощно старался добиться подлинной дружбы между народами России и Англии и, насколько он вправе был это делать, народом Соединенных Штатов. Он полон решимости не прекращать своих усилий и впредь вопреки величайшим трудностям. Он отнюдь не отчаивается в возможности найти счастливое решение, которое принесло бы великие выгоды Советской России и в то же время обеспечило бы суверенную независимость и внутренние свободы государств и наций, захваченных сейчас Красной Армией. Свобода, независимость и суверенитет Польши — вот то дело, ради которого английский народ решил на войну, как ни плохо он был к ней подготовлен. Сейчас это стало делом чести нации и империи, которые теперь лучше вооружены. Права Чехословакии весьма дороги английскому народу. Позиция мадьяр в Венгрии удерживалась на протяжении многих веков, вопреки многим несчастьям, и Венгрию всегда следует считать драгоценной европейской реальностью. Затопленная русским потоком, она не преминет стать либо источником будущих конфликтов, либо ареной исчезновения нации, страшного для всех благородных сердец. Австрии с ее культурой и ее исторической столицей Веной следует быть свободным центром в интересах жизни и прогресса Европы.

7. Балканские государства, пережившие столь много войн на протяжении веков, создали свои собственные стойкие цивилизации. В Югославии в настоящее время господствует обученный коммунистами руководитель Тито, который пришел к власти главным образом в результате наступлений английских и американских армий в Италии. Румынию и Болгарию

в значительной мере подавляет факт их близости к Советской России и то обстоятельство, что в нескольких войнах они становились не на ту сторону, на какую нужно. Тем не менее эти страны имеют право на жизнь. Что касается Греции, то упорная борьба, которую вели греки и английская армия, обеспечила греческому народу право выразить на приближающихся выборах, не опасаясь помех, на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования свободно и беспрепятственно, какой режим и правительство он выберет.

8. Премьер-министр не может согласиться с тем, что было бы разумно отмахнуться от всех этих вопросов в стремлении удовлетворить империалистические требования Советской коммунистической России. Как бы сильно он ни надеялся на то, что удастся достигнуть хорошего, дружественного и прочного соглашения и что всемирная организация начнет существовать и действовать с некоторой степенью реальности, он уверен, что нельзя пренебрегать великими проблемами, лежащими в основе приведенного выше краткого резюме некоторых взаимоотношений в Европе. Поэтому он настаивает: а) на встрече, которая должна состояться как можно скорее, и б) чтобы три главные державы были приглашены на нее в качестве равноправных участников. Он подчеркивает тот факт, что Англия не сможет участвовать в любой встрече иного характера и что, конечно, спор, который возникнет в результате этого, вынудит его защищать публично политику, которую правительство Его Величества считает для себя обязательной».

Президент воспринял эти замечания в духе любезности и понимания и ответил 29 мая, что он рассматривает вопрос о возможных сроках созыва Тройственной конференции.

Я был очень рад узнать, что все в порядке и что справедливость нашей точки зрения не осталась непризнанной нашими дорогими друзьями.

27 мая Сталин предложил, чтобы «тройка» встретилась в Берлине «в весьма близком будущем». Я ответил, что буду очень рад встретиться с ним и с президентом где-либо в уцелевшей части этого города, и выразил надежду, что эта встреча состоится примерно в середине июня. После этого я получил следующую телеграмму:

Маршал Сталин — премьер-министру

30 мая 1945 года

Ваше послание от 29 мая получил.

Через несколько часов после этого был у меня г-н Гопкинс и сообщил, что президент Трумэн считает наиболее удобной датой для встречи «трех» 15 июля. У меня нет возражений против этой даты, если и Вы согласны с этим. Шлю Вам наилучшие пожелания.

Примерно в то же время, когда президент Трумэн направил ко мне Дэвиса, он попросил Гарри Гопкинса поехать в качестве его специального представителя в Москву, чтобы еще раз попытаться добиться рабочего соглашения по польскому вопросу. Хотя Гопкинс чувствовал себя не вполне здоровым, он мужественно отправился в Москву вместе со своей невестой. Его дружеское отношение к России было хорошо известно, и ему был оказан самый теплый прием. Безусловно, впервые был достигнут кое-какой прогресс. Сталин согласился пригласить в Москву Миколайчика и двух его коллег из Лондона для консультаций в соответствии с нашим толкованием ялтинского соглашения. Он согласился также пригласить из самой Польши несколько видных поляков, не связанных с Люблином.

«Я считаю, — сообщил президент, — что это весьма обнадеживающий положительный шаг в затянувшихся переговорах по польскому вопросу, и надеюсь, что вы одобрите согласованный список, дабы мы могли заняться этим делом как можно скорее.

Что касается арестованных польских руководителей, большинство которых, видимо, обвиняется только в использовании нелегальных радиопередатчиков, то Гопкинс уговаривает Сталина дать этим людям амнистию, чтобы консультации могли идти в максимально благоприятной атмосфере.

Надеюсь, Вы используете Ваше влияние на Миколайчика и уговорите его согласиться. Я просил Гопкинса остаться в Москве по крайней мере до тех пор, пока я не получу Вашего ответа по этому вопросу».

Мы, конечно, поддержали эти предложения.

Премьер-министр — президенту Трумэну

4 июня 1945 года

...Я согласен с Вами, что искренние усилия Гопкинса положили конец тупику. Я согласен на то, чтобы полякам, не связанным с Люблином, было послано приглашение на этой основе, если большего в данный момент добиться не удастся. Я согласен также с тем, что вопрос о 15—16 арестованных поляках не должен помешать открытию этих переговоров. Мы не можем, однако, прекратить свои хлопоты за этих людей. Поэтому я присоединяюсь к Вам и пошлю, либо совместно, либо отдельно, телеграмму Сталину, соглашаясь на лучшее, чего может добиться Гопкинс, при условии, конечно, что нашим послам не будет запрещено добиваться дальнейшего улучшения в вопросе о приглашениях, как только переговоры возобновятся.

Хотя в данный момент разумно и правильно действовать таким образом, я уверен, однако, что Вы согласитесь со мной, что эти предложения не представляют шага вперед по сравнению с Ялтой.

Они являются шагом вперед по сравнению с тупиком, но в соответствии с Ялтой и ее духом нам следовало бы уже иметь сформиро-

ванное представительное польское правительство. Единственно, чего мы добились сейчас, это некоторых уступок в отношении участия заграничных поляков в предварительных переговорах, в результате чего, возможно, удастся добиться кое-каких улучшений в составе люблинского правительства. Поэтому я считаю, что мы можем рассматривать это не больше как веху на долгом пути в гору, на которую нам по-настоящему и не должны были предлагать карабкаться. Я думаю, что нам нужно остерегаться всяких газетных предположений, будто польская проблема решена и будто в отношении трудностей, возникших в этом вопросе между западными демократиями и советским правительством, достигнуто нечто большее, чем облегчение. Возрождение надежды, а не ликование — вот единственное, что мы можем позволить себе в данный момент...

Я убедил Миколайчика поехать в Москву, и в результате было создано новое польское временное правительство. По предложению Трумэна оно было признано 5 июля как Англией, так и Соединенными Штатами.